

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. РАЗРЯДЫ ПО ЗНАЧЕНИЮ

Шодиева Матлуба Солеевна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Маматкулова Зарнигор

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация. Данная статья посвящена глубокому семантическому анализу разрядов обстоятельств в современном русском языке. Рассматриваются ключевые категории: место, время, причина, цель, образ действия и степень. Исследует переход обстоятельств из разряда второстепенных членов в статус детерминантов, определяющих логическую структуру высказывания. Анализ подкрепляется переосмыслением классических концепций и художественным моделированием синтаксических связей.

Ключевые слова: обстоятельство, семантический разряд, синтаксис, локатив, темпоральность, детерминант, образ действия.

Abstract. This article is devoted to a deep semantic analysis of the categories of circumstances in the modern Russian language. Key categories are considered: place, time, cause, purpose, mode of action and degree. The author explores the transition of circumstances from the category of secondary members to the status of determinants that define the logical structure of the utterance. The analysis is supported by a rethinking of classical concepts and artistic modeling of syntactic connections.

Keywords: circumstance, semantic category, syntax, locative, temporality, determinant, mode of action.

Фундаментальное значение в системе обстоятельств занимают разряды места (локативы) и времени (темпоративы). Если представить предложение как живое полотно, то эти разряды служат рамкой и фоном, на котором разворачивается действие. Исследователи, такие как В.В. Виноградов, подчеркивали, что наречия и предложно-падежные формы, выступающие в роли обстоятельств места, не просто указывают на координаты, они «вписывают» субъект в материальный мир [1, с. 342]. В художественном тексте это проявляется особенно ярко: когда автор описывает, как тени удлиняются вдоль старой аллеи, обстоятельство места «вдоль аллеи» перестает быть сухой топографической меткой. Оно превращается в проводник настроения, связывая физическое пространство с эмоциональным состоянием героя. Обстоятельства места отвечают на вопросы где? Куда? Откуда? И могут выражать как точную локализацию, так и направление движения. Локативные обстоятельства часто берут на себя функцию «данного», становясь отправной точкой сообщения. Например, в начале повествования фраза «В старом заброшенном саду...» задает всю атмосферу последующего действия, выступая не просто дополнением к глаголу, а самостоятельным детерминантом, организующим событийный ряд.

Следом за пространством идет время — категория, структурирующая бытие. Обстоятельства времени (когда? Как долго? С каких пор?) позволяют языку преодолеть статичность. Они вносят в предложение ритм и протяженность. Темпоральные обстоятельства обладают особой способностью связывать разрозненные предикаты в единую логическую цепь. В классической литературе мы часто видим, как мастерское использование обстоятельств времени — например, «на рассвете», «в мгновение ока», «годами» — меняет восприятие динамики. Время может растягиваться до бесконечности в ожидании или сжиматься в точку в момент кризиса. Это не просто грамматическая категория, а способ управления читательским

вниманием. Особое место в классификации занимают обстоятельства образа действия и степени. Если место и время — это сцена, то образ действия — это сама пластика движения. Они отвечают на вопросы как? Каким образом? И тесно примыкают к качественным характеристикам. В художественном пересказе классических описаний можно заметить, как герой может идти «тяжело, словно неся на плечах невидимый груз прошлого» или «легко, едва касаясь мостовой». Здесь обстоятельство образа действия сливается с метафорой. Академик Л.В. Щерба подчеркивал, что данные разряды наиболее близки к прилагательным по своей уточняющей функции, но в синтаксисе они динамизируют признак, приписывая его не предмету, а процессу [4, с. 218].

Обстоятельства степени (в какой мере? Насколько?) добавляют высказыванию количественную определенность. «Совершенно», «чуть-чуть», «вдвое» — эти слова калибруют интенсивность действия. Без них язык потерял бы нюансировку. Критики отмечают, что именно через эти обстоятельства проявляется авторская оценка. Сказать «он расстроился» и «он расстроился до глубины души» — значит использовать разные уровни эмоционального воздействия, где обстоятельство степени выступает усилителем смысла. Важно понимать, что в современном синтаксисе границы между разрядами могут быть подвижными. Обстоятельство может одновременно указывать и на место, и на образ действия (например, «идти лесом» — это и путь, и способ передвижения). Эта синкретичность делает систему обстоятельств гибкой и живой. Она позволяет языку быть лаконичным, но при этом предельно информативным. Переходя от внешних характеристик (где, когда, как) к внутренним детерминантам (почему, зачем), мы вступаем в область логического обоснования бытия. Но прежде чем углубиться в категории причины и цели, необходимо зафиксировать: обстоятельства первой группы — это «плоть» предложения, обеспечивающая его связь с объективной реальностью. Они создают трехмерность текста, в

которой читатель может ориентироваться так же свободно, как в физическом мире. В следующей части мы рассмотрим, как эти внешние координаты дополняются внутренними мотивациями и условиями, завершая архитектуру русской фразы.

Завершая построение синтаксической модели предложения, мы переходим от внешних параметров (времени и пространства) к внутренним рычагам, управляющим событийностью. Разряды обстоятельств причины, цели, условия и уступки представляют собой высший уровень абстракции в грамматике. Если локативы рисуют декорации, то логические обстоятельства объясняют, почему занавес вообще поднялся. Обстоятельства причины (почему? Отчего?) создают фундамент для понимания мотивов. В научной литературе, в частности в работах А.М. Пешковского, указывается, что причинные обстоятельства часто оформляются предложно-падежными конструкциями, которые позволяют дифференцировать источник действия [5, с. 284]. В художественном контексте причина нередко приобретает фатальный оттенок. Описывая состояние героя, автор может указать, что тот «побледнел от внезапного осознания истины» или «замер из-за сковавшего его страха». Здесь обстоятельство причины не просто отвечает на вопрос, оно вскрывает психологический подтекст, превращая физиологическую реакцию в экзистенциальный акт. Критики подчеркивают, что разряд причины в русском языке обладает богатейшей палитрой оттенков: от оправдания («по уважительной причине») до слепой стихийности («в силу обстоятельств»).

Контрапунктом к причине выступает обстоятельство цели (зачем? Для чего?). Если причина направлена в прошлое, то цель всегда устремлена в будущее. Целевые обстоятельства тесно связаны с категорией модальности, так как они описывают не то, что есть, а то, что должно или желательно совершиться. В анализе классических сюжетов мы видим, как герои «отправляются в путь ради спасения чести» или «совершают подвиг во имя

любви». Цель облагораживает действие, перенося его из плоскости обыденности в сферу смыслов. Важно различать цель и причину: «уйти из-за ссоры» (причина) и «уйти для примирения» (цель) — это два принципиально разных направления человеческой энергии, зафиксированных грамматически. Особую сложность и интеллектуальную глубину придают речи обстоятельства условия и уступки. Обстоятельство условия (при каком условии?) создает гипотетическое пространство. Эти конструкции позволяют языку моделировать варианты реальности. «При наличии воли», «в случае успеха» — эти обороты делают высказывание аналитическим. В философских размышлениях такие обстоятельства становятся опорой аргументации. Перефразируя идеи литературных критиков, можно сказать, что условие — это граница, при пересечении которой действие обретает плоть. Без условия действие остается лишь призрачной возможностью.

Обстоятельство уступки (вопреки чему?) — это, пожалуй, самый драматичный разряд. Оно вводит элемент противоречия, борьбы. «Несмотря на бушующий шторм», «вопреки здравому смыслу» — такие конструкции создают напряжение. Русская грамматика под редакцией Н.Ю. Шведовой выделяет уступительные обстоятельства как средство выражения контрдовода, который, тем не менее, не отменяет главного действия [3, с. 515]. Это победа субъекта над обстоятельствами. В текстах И.А. Бунина или Ф.М. Достоевского уступительные обороты часто используются для того, чтобы подчеркнуть иррациональность человеческого духа, действующего вопреки логике среды. Завершает систему обстоятельств разряд следствия, который в простом предложении встречается реже, но в структуре текста играет роль финального аккорда. Он отвечает на вопрос что из этого следует? И подводит итог цепочке событий. Анализируя все разряды в совокупности, мы видим, что обстоятельства — это не «второстепенные» элементы, а смысловые центры. В современной лингвистике все чаще звучит мысль о том, что деление членов

предложения на главные и второстепенные изживает себя. Обстоятельства (детерминанты) являются полноправными компонентами, формирующими предикативную основу в широком смысле. Они не просто «облепляют» глагол-сказуемое, а задают параметры самого бытия, описываемого в предложении. Семантические разряды обстоятельств представляют собой сложную многомерную систему. Локативы и темпоративы строят сцену; обстоятельства образа действия и степени определяют динамику и интенсивность; причина и цель выстраивают логическую и волевою вертикаль; условие и уступка вводят элементы анализа и драматизма. Взаимодействие этих разрядов превращает набор слов в связный, глубокий и эмоционально насыщенный текст. Понимание этой системы позволяет не только глубже анализировать классическое наследие, но и осознанно конструировать современные речевые стратегии, где каждое обстоятельство стоит на страже точности и выразительности мысли.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М.: Наука, 1982. — 368 с.
3. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. II. Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — 710 с.
4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — 428 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
6. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. — М.: МГУ, 2000. — 402 с.